ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православная Русь".

1

ЯНВАРЬ 1961 JANUARY

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.
Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ недѣлю 32-ю по Пятидесятницѣ приснопамятнаго Архіеп. Симона. 3

Переписка Царственныхъ Мучениковъ съ Великой Княгиней Ксеніей Александровной. 5

«Богъ утаилъ ихъ отъ премудрыхъ и открылъ младенцамъ...» Д-ра А. Тимофіевича. 11

Отпѣваніе подъ конвоемъ. Прот... 17

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе св. священномученика отца нашего Филиппа митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца. М. В. 22

Училище благочестія.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова: Совѣсть. 30

О разсѣянной и внимательной жизни. 32

Законъ Божій

для семьи и школы

со многими иллюстраціями (около 300).

Составилъ **Свящ. Серафимъ Слободской.**

Въ книгѣ 576 страницъ.

Цѣна въ хорошемъ переплетѣ $ 6.-

Приложеніе къ учебнику ЗАКОНА БОЖІЯ того же автора

Краткій сборникъ статей апологетическаго содержанія.

(въ помощь родителямъ и воспитателямъ).

Цѣна при учебникѣ 50 ¢., въ отдѣльной продажѣ $ 1.-

Краткій молитвословъ

съ объясненіемъ молитвъ. Молитвословъ напечатанъ гражданскимъ шрифтомъ, карманнаго формата, 107 стр. и содержитъ: краткія молитвы: утреннія, вечернія, и въ продолженіи дня, Символъ Вѣры, Объясненіе молитвъ и заповѣдей блаженства и Моисеевыхъ, тропари и др. молитвы. Цѣна 50 ¢.

Слово въ недѣлю 32-ю по Пятидесятницѣ.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

16/29 января 1933 года.

Прошли праздники Рождества Христова и Богоявленія. Приближается подготовительное къ Великому посту время. «Покаянія отверзи ми двери», Прощальное воскресеніе — и въ настоящіе дни Св. Церковь уже призываетъ насъ къ покаянію: проповѣдь Іоанна Крестителя и начало проповѣди Самого Господа Іисуса Христа — «покайтесь, ибо приблизилось Царство Божіе», а нынѣ — повѣствованіе о покаяніи Закхея.

«Іисусъ вошелъ въ Іерехонъ и проходилъ черезъ него. И вотъ нѣкто, именемъ Закхей, начальникъ мытарей и человѣкъ богатый, искалъ видѣть Іисуса — кто Онъ, но не могъ за народомъ, потому что малъ былъ ростомъ, и забѣжавъ впередъ, взлѣзъ на смоковницу, чтобы увидѣть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо ея. Іисусъ, когда пришелъ на это мѣсто, взглянувъ увидѣлъ его и сказалъ ему: Закхей, сойди скорѣе, ибо сегодня надобно Мнѣ быть у тебя въ домѣ. И онъ поспѣшно сошелъ и принялъ Его съ радостію. И всѣ, видя то, начали роптать и говорили, что Онъ зашелъ къ грѣшному человѣку. Закхей же, ставъ сказалъ Господу: Господи, половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ и если кого чѣмъ обидѣлъ — воздамъ вчетверо. Іисусъ сказалъ ему:нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авраама, ибо Сынъ Человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее» (Лук. XIX, 1-10).

Нынѣ пришло спасеніе дому сему. Этими словами Господь указалъ, что покаяніе открываетъ путь къ спасенію. Насъ призываетъ Св. Церковь къ покаянію — для нашего спасенія. Для того и Церковь Свою основалъ Господь, чтобы она спасала людей отъ погибели въ житейскомъ морѣ.

Во всей полнотѣ наше спасеніе откроется въ будущемъ вѣкѣ: не будетъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, и смерти не будетъ, не будетъ и грѣха, не будетъ соблазновъ и искушеній: сподобившіеся достигнуть жизни будущаго вѣка будутъ какъ Ангелы свободно служить Богу. Но спасеніе, какое мы получаемъ черезъ церковь, не есть только ожидаемое. Церковь не укрѣпля-

етъ только въ надеждѣ на спасеніе, а дѣйствительно спасаетъ — спасаетъ теперь, въ этой жизни.

Чтобы уяснить, что такое это спасеніе, какое мы получаемъ, въ Церкви, обратимъ вниманіе на смыслъ слова «спасеніе», какъ мы употребляемъ его въ обычной рѣчи. Спасеніе — значитъ сохраненіе жизни отъ грозившей опасности смерти: спасеніе утопавшаго, спасеніе во время пожара, и т. п. Но можно употребить слово спасеніе и въ смыслѣ освобожденія отъ жестокаго плѣна или рабства, гдѣ не было никакой отрады и утѣшенія, гдѣ было мученіе, а не жизнь. Въ этомъ смыслѣ нужно говорить и о спасеніи, получаемомъ черезъ Церковь въ этой жизни.

Душа, отторгшаяся отъ общенія съ Богомъ, погружается въ море житейской суеты — заботы, попеченія, многіе помыслы; связывается узами страстей — жажда наслажденій, стараніе возвыситься надъ другими, господствовать надъ другими; страсть къ обогащенію — не имѣетъ истинной радости, покоя и мира. Конечно, и въ мірѣ есть успѣхи, достиженія, есть свои радости, удовлетвореніе, но это — призраки, такъ какъ все превратно и мимолетно, нѣтъ успокоенія и отрады въ общеніи съ окружающими людьми, т. к. въ основѣ взаимныхъ отношеній или страстныя увлеченія, или корыстные расчеты, а въ концѣ концовъ ложь, лукавство и лицемѣріе. Суета и томленіе духа.

Чтобы освободиться отъ этой суеты и томленія духа нужно измѣнить произволеніе: съ вѣрою обратиться къ Богу и соблюденіе заповѣдей считать своею главною цѣлью. Соблюденіе заповѣдей не есть какое то особое дѣло, ради котораго надо оставлять обычныя дѣла. Нѣтъ. Всякое свое обычное дѣло нужно исполнять съ соблюденіемъ заповѣдей. По мѣрѣ укрѣпленія въ соблюденіи заповѣдей не замедлятъ являться и плоды Духа: любовь, радость, миръ. Конечно, не сразу плоды — сначала трудъ, подвигъ, терпѣніе. Но какъ садовникъ утѣшается не при сборѣ только плодовъ, а и при видѣ цвѣтка на деревьяхъ, и земледѣлецъ радуется не на зрѣлую только ниву смотря, а и видя хорошіе всходы: такъ дѣлатели заповѣдей Божіихъ радуются радостью, которой ничто внѣшнее отнять не можетъ, радуются спасенію, по пути къ которому идутъ.

Потому и сказалъ Господь о Закхеѣ: пришло спасеніе, — хотя Закхей еще ничего не сдѣлалъ, а только измѣнилъ произволеніе.

Внимая призыву Св. Церкви къ покаянію, обратимся съ вѣрою и любовію къ Спасителю нашему и, призывая имя Его, будемъ умолять, чтобы дана была намъ благодать измѣниться не только въ произволеніи, но и во всемъ существѣ — въ мысляхъ, сужденіяхъ, поступкахъ. Такое измѣненіе въ произволеніи и во всемъ существѣ и есть спасеніе, даруемое намъ черезъ Церковь въ настоящей жизни.

Переписка царственыхъ мучениковъ съ Вел. Кн. Ксеніей Александровной.

Князь Никита Александровичъ предоставилъ намъ, съ правомъ предать гласности, переписку Царской Семьи, послѣ отреченія Государя отъ престола, съ матерью его, Великой Княгиней Ксеніей Александровной. Переписка эта, въ копіяхъ, была передана Великой Княгиней протоіерею Михаилу Польскому, а изъ его наслѣдія была передана Вел. кн. Никитѣ Александровичу. То, что эти драгоцѣнные документы попали къ намъ, отвѣчаетъ волѣ покойной Великой Княгини. Для этого предназначены были они и протопресвитеромъ о. Михаиломъ Польскимъ. Мы печатаемъ ихъ, точно воспроизводя, какъ текстъ писемъ, такъ и описаніе ихъ внѣшняго вида, а равно и примѣчанія. Письма эти имѣютъ высокую цѣнность не только, какъ документы, но и какъ свидѣтельство необыкновенной собранности духа, беззлобія, беззавѣтной любви къ Россіи и преданности волѣ Божіей царственныхъ мучениковъ.

Заказное.

Великой Княгинѣ Ксеніи Александровнѣ.

Ай-Тодоръ. *Таврич. губ.*

(этикетка заказн. письма) З. № 347. Тобольскъ. Три марки по 35 коп. Почт. печ.: Тобольскъ 26. 9. 17. печ. на обор.: Кореизъ, Тавр. г. 9. 10. 17.

Собственноручное письмо Государя Императора. На почт. листѣ съ вензелями. (Къ письму приложено маленькое *письмо-летучка* Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.)

Тобольскъ. 23 Сентября 1917 г.

Дорогая моя Ксенія,

Недавно получилъ я твое письмо изъ города*) отъ 23-го Марта — ровно полгода тому назадъ написанное. Въ немъ было два образка, одинъ отъ тебя, другой отъ М. Труб. Благодарю за него сердечно и ее тоже. Давно, давно не видались мы съ тобой. Я тоже надѣялся, что тебѣ тогда удастся заѣхать къ намъ до Крыма. А какъ мы надѣялись, что насъ отправятъ туда же и запрутъ въ Ливадіи, всетаки ближе къ вамъ. Сколько разъ я объ этомъ просилъ Керенскаго. Мишу**) я видѣлъ 31-го Іюля вечеромъ; онъ выглядѣлъ хорошо. А теперь бѣдный сидитъ тоже арестованный, надѣюсь не на долго. Мы слышали, что ты себя неважно чувствовала и еще похудѣла лѣтомъ.

Здѣсь мы устроились вполнѣ удобно въ губернаторскомъ домѣ съ нашими людьми и M. Gilliard, а сопровождающій насъ въ другомъ домѣ напротивъ черезъ улицу. Живемъ тихо и дружно. По вечерамъ одинъ изъ насъ читаетъ вслухъ, пока другіе играютъ въ домино и безикъ.

---

*) Петербургъ.

**) Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Занятія съ дѣтьми налаживаются постепенно, также какъ въ Ц. Селѣ.

За рѣдкими исключеніями осень стоитъ отличная; навигація обыкновенно кончается въ серединѣ Октября, тогда мы буденъ болѣе отрѣзаны отъ міра, но почта продолжаетъ ходить на лошадяхъ.

Мы постоянно думаемъ о васъ всѣхъ и живемъ съ вами **одними** чувствами и **одними** страданіями.

Да хранитъ васъ всѣхъ Господь. Крѣпко обнимаю тебя, милая моя Ксенія, Сандро и дѣтокъ.

Твой старый

Ники.

Тобольскъ, 23-го Сент. 1917 г.

Милая моя Ксенія,

Много мысленно съ вами — какъ чудно хорошо и красиво у васъ должно быть — всѣ эти цвѣты — а на душѣ такъ невыразимо больно за дорогую родину, что объяснить нельзя... Я рада для тебя, что ты наконецъ со всѣми твоими — а то вѣчно была въ разлукѣ. Хотѣлось бы Ольгу *) видѣть въ новомъ большомъ счастьи.

Всѣ здоровы, — сама сильно уже 6 нед. страдаю невралгіей въ лицѣ и зубными болями, очень мучительно и почти всю ночь не сплю. Все жду дентиста, — позволенія его позвать все нѣтъ. Живемъ тихо, хорошо устроились — хотя далеко, далеко отъ всѣхъ — отрѣзаны, но Богъ милостивъ — силы дастъ и утѣшитъ, — сердце полно — выразить нельзя. Люблю тебя и нѣжно цѣлую.

Твоя Старая.

Приписка вверху письма: Получила-ли Софья Дмитріевна **) мою открытку лѣтомъ.

Заказное.

Великой Княгинѣ

Ксеніи Александровнѣ

Ай-Тодоръ.

Таврич. губ.

Этикетка: З. № 990. Тобольскъ.

Почт. печ. Тобольскъ, 9. 11. 17.

На об. почт. печ. нѣтъ.

---

*) Великая Княгиня Ольга Александровна.

**) С. Д. Евреинова, фрейлина Вел. Кн. Ксеніи Александровны.

Записка Гос. Имп. в ея натур. величину прилож. к письму.

Ленинъ	— Ульяновъ (Цедерблюмъ)
Стекловъ	— Нахамкесъ
Зиновьевъ	— Апфельбаумъ
Троцкій	— Бронштейнъ
Каменевъ	— Розенфельдъ
Горевъ	— Гольдманъ
Меховскій	— Гольденбергъ
Мартовъ	— Цедербаумъ
Сухановъ	— Гиммеръ
Загорскій	— Крахманъ
Мѣшковскій	— Голлендеръ.

Тобольскъ 5-го Ноября, 1917 г.

Милая дорогая моя Ксенія,

Отъ всей души благодарю тебя за доброе письмо отъ 15-го окт. доставившее мнѣ огромную радость.

Все, что ты пишешь о здоровьи Мама, теперь успокоило меня. Дай Богъ, чтобы силы ея вполнѣ возстановились и чтобы она берегла здоровье свое.

Мы только что вернулись отъ обѣдни, кот. для насъ начинается въ 8 час. при полной темнотѣ.

Для того, чтобы попасть въ нашу церковь, намъ нужно пройти городской садъ и пересѣчь улицу — всего шаговъ 500 отъ дома. Стрѣлки стоятъ рѣдкою цѣпью справа и слѣва и когда мы возвращаемся домой они постепенно сходятъ съ мѣстъ и идутъ сзади, а другіе вдали сбоку и все это напоминаетъ намъ конецъ загона, такъ что мы каждый разъ со смѣхомъ входимъ въ нашу калитку.

Я очень радъ, что у васъ сократили охрану — «дюже надоѣло» и вамъ и имъ понятно.

Бѣдные сбитые съ толку люди. Постараюсь написать Мишѣ, никакихъ извѣстій о немъ не имѣлъ кромѣ какъ отъ тебя.

Зима никакъ не можетъ наступить настоящая; два дня идетъ снѣгъ при небольшомъ морозѣ, потомъ все стаетъ и снова тоже повторяется. Но воздухъ отличный чистый, дышется очень хорошо.

Тутъ мы живемъ какъ въ морѣ на кораблѣ и дни похожи одинъ на другой, поэтому я тебѣ опишу нашу жизнь въ Ц. Селѣ.

Когда я пріѣхалъ изъ Могилева, то какъ ты знаешь, засталъ всѣхъ дѣтей очень больными, въ особенности Марію и Анастасію.

Проводилъ разумѣется весь день съ ними, одѣтый въ бѣлый халатъ. Доктора приходили къ нимъ утромъ и вечеромъ, первое время, въ сопровожденіи караульнаго офицера. Нѣкоторые изъ нихъ входили въ спальню и присутствовали при осмотрѣ докто-

рами. Потомъ это сопровожденіе врачей офицерами было прекращено.

Я выходилъ на прогулку съ Валей Д.*) и съ однимъ изъ офицеровъ или самимъ караульнымъ начальникомъ. Такъ какъ паркъ перестали чистить съ конца Февраля, гулять было негдѣ изъ за массы снѣга — для меня явилась прекрасная работа — очищать дороги.

Цѣпь часовыхъ стояла — одна вокругъ дома, а другая вокругъ пруда и рѣшетки маленькаго сада противъ оконъ комнатъ Мама.

Гулять можно было только внутри и вдоль второй цѣпи.

Когда стаялъ ледъ и сдѣлалось тепло бывшій комендантъ полк. Коровиченко объявилъ, что онъ отодвинетъ цѣпь подальше.

Прошло три недѣли и никакой перемѣны. Въ одинъ прекрасный день со мною послѣдовали четыре стрѣлка съ винтовками; этимъ я воспльзовался и, ничего не говоря, пошелъ дальше въ паркъ. Съ тѣхъ поръ начались ежедневныя большія прогулки въ паркѣ, а днемъ рубка и распилка сухихъ деревьевъ. Выходили мы всѣ изъ дверей круглой залы, ключъ отъ нея хранился у кар. нач.

Балкономъ ни разу не пользовались, такъ какъ дверь къ нему была заперта.

Выходъ нашъ въ садъ вмѣстѣ со всѣми нашими людьми, для работы или на огородѣ или въ лѣсу, должно быть напоминалъ оставленіе звѣрями Ноева Ковчега, потому что около будки часового у схода съ круглаго балкона собиралась толпа стрѣлковъ, насмѣшливо наблюдавшая за этимъ шествіемъ. Возвращеніе домой тоже происходило совмѣстное, т. к. дверь сейчасъ же запиралась. Сначала я здоровался по привычкѣ, но затѣмъ пересталъ, п. ч. они плохо и вовсе не отвѣчали.

Лѣтомъ было разрѣшено оставаться на воздухѣ до 8 час. вечера; я катался съ дочерьми на велосипедѣ и поливалъ огородъ, т. к. было очень сухо. По вечерамъ мы сидѣли у оконъ и смотрѣли какъ стрѣлки возлежали на лужайкѣ, курили, читали, возились и попѣвали.

Стрѣлки, пріѣхавшіе съ нами сюда, совсѣмъ другіе — это почти всѣ побывавшіе на фронтѣ, очень многіе ранены и съ Георг. Кр. и мед. — большею частью настоящіе солдаты. Мы со многими перезнакомились.

Забылъ упомянуть, что въ Мартѣ и Апрѣлѣ по праздникамъ на улицахъ проходили процессіи (демонстраціи) съ музыкой игравшею Марсельезу и всегда одинъ и тотъ же Похоронный Маршъ Шопена.

---

*) Кн. Долгоруковъ.

Шествія эти неизмѣнно кончались въ нашемъ паркѣ у могилы «Жертвъ Революціи», кот. вырыли на аллеѣ противъ круглаго балкона. Изъ-за этихъ церемоній насъ выпускали гулять позже обыкновеннаго, пока онѣ не покидали паркъ.

Этотъ несносный Похор. Маршъ преслѣдовалъ насъ потомъ долго и невольно всѣ мы посвистывали и попѣвали его до полнаго одурѣнія.

Солдаты говорили намъ, что и имъ надоѣли сильно эти демонстраціи, кончавшіяся обыкновенно скверной погодой и снѣгомъ.

Разумѣется за этотъ долгій срокъ съ нами было множество мелкихъ забавныхъ и иногда непріятныхъ происшествій, но всего не описать, а когда-нибудь, дастъ Богъ, разскажемъ вамъ на словахъ.

Боюсь, что надоѣлъ тебѣ, милая Ксенія, черезчуръ долгимъ письмомъ, да и рука у меня затекла.

Постоянно мысли мои съ тобой, дорогою Мама и твоею семьей. Крѣпко обнимаю тебя и ихъ всѣхъ, какъ люблю.

Бепуатоны тебя нѣжно цѣлуютъ.

Да хранитъ и благословитъ всѣхъ васъ Господь.

Какъ хотѣлось бы быть вмѣстѣ.

Прощай моя дорогая.

Всею душою твой старый Ники.

Заказное.

З. № 447 Тобольскъ.
почт. печ.: Тобольскъ.
на об. Кореизъ Тавр. губ.
25. 1. 18.

Великой Княгинѣ
Ксеніи Александровнѣ.

Письмо съ вензелемъ.

Тобольскъ. 7-го Января, 1918 г.

Милая дорогая моя Ксенія,

Очень обрадовала ты меня своимъ письмомъ, сердечное тебѣ за него спасибо.

Намъ тоже бываетъ такъ отрадно получать отъ васъ письма. Планъ устройства гостинницы и распредѣленія будущихъ должностей между вами — мнѣ понравился, но неужели это будетъ въ вашемъ домѣ.

Тяжело чрезвычайно жить безъ извѣстій — телеграммы получаются здѣсь и продаются на улицѣ не каждый день, а изъ нихъ узнаешь только о новыхъ ужасахъ и безобразіяхъ, творя-

щихся въ нашей несчастной Россіи. Тошно становится отъ мысли о томъ, какъ должны презирать насъ наши союзники.

Для меня ночь — лучшая часть сутокъ, по крайней мѣрѣ забываешься на время.

Надняхъ въ отрядномъ комитетѣ нашихъ стрѣлковъ обсуждался вопросъ о снятіи погонъ и другихъ отличій и очень ничтожнымъ большинствомъ было рѣшено погонъ не носить. Причинъ было двѣ: то, что ихъ полки въ Ц. Селѣ такъ поступили и другое обстоятельство — нападеніе здѣшнихъ солдатъ и хулигановъ на отдѣльныхъ стрѣлковъ на улицахъ съ цѣлью срыванія погонъ.

Всѣ настоящіе солдаты, проведшіе три года на фронтѣ, съ негодованіемъ должны были подчиниться этому нелѣпому постановленію. Лучшія двѣ роты стр. полковъ живутъ дружно. Гораздо хуже стала за послѣднее время рота стрѣлк. полка и отношенія ихъ къ тѣмъ двумъ начинаютъ обостряться.

Всюду происходитъ та же самая исторія — два-три скверныхъ коновода мутятъ и ведутъ за собою всѣхъ остальныхъ.

Съ новаго года дѣти, за исключеніемъ Анастасіи, переболѣли краснухою, теперь она у всѣхъ прошла.

Погода стоитъ отличная, почти всегда солнце, морозы небольшіе. Поздравляю тебя къ 24-му, дорогая Ксенія.

Крѣпко обнимаю тебя, милую Мама и остальныхъ всѣхъ.

Остаюсь съ Вами.
Сердечно твой
Ники.

(безъ конверта)

Почт. бум. съ вензелемъ.

Тобольскъ. 24-го Января 1918 г.

Дорогая милая моя Ксенія,

Сегодня день твоихъ имянинъ, хотя я не нашелъ этого въ календарѣ. Поздравляю тебя отъ всего сердца и шлю мои пожеланія тебѣ здоровья и всѣхъ благъ. Съ утра я ощущалъ потребность поговорить съ тобою письменно именно сегодня. Какъ часто мы проводили этотъ день вмѣстѣ всей семьей и **при иныхъ** обстоятельствахъ, болѣе счастливыхъ, чѣмъ нынѣшнія.

Богъ дастъ и эти пройдутъ.

Я не допускаю мысли, что тѣ ужасы, бѣдствія и позоръ, которые окружаютъ насъ всѣхъ, продолжались долго. Я твердо **вѣрю,** какъ и ты, что Господь умилосердится надъ Россіею и умиритъ страсти въ концѣ концовъ. Да будетъ Его Святая Воля. Живемъ по прежнему тихо и спокойно и постоянно вспоминаемъ о дорогой Мама и васъ милыхъ.

Всѣ дѣти съ новаго года переболѣли легкою краснухою. Теперь уже давно здоровы и продолжаютъ выходить во всякую погоду.

Послѣдніе дни были очень холодные, сильнѣйшая буря съ 25-30 градусными морозами. Вѣтры проникаютъ даже въ домъ и темп. нѣкоторыхъ комнатъ доходила до 7-8° тепла, напримѣръ въ залѣ и въ моемъ кабинетѣ.

Эта темп. въ помѣщеніяхъ напомнила мнѣ пребываніе зимою у дорогого Георгія въ Абастуманѣ. Но ко всему привыкаешь, одѣваемся мы тепло и по утрамъ сидимъ въ валенкахъ — пока печи не растопятся. Отлично.

Время отъ чая до обѣда обыкновенно занято репетиціями разныхъ пьесъ въ разныхъ комнатахъ, которыми занятъ весь нашъ кружокъ. Время проходитъ такъ незамѣтно. До сихъ поръ играли франц. пьеску, теперь разучиваютъ русскую и англійскія. Я собираюсь играть съ Ольгою и Мари въ Забавной Шуткѣ Чехова — «Медвѣдь». Надѣюсь насмѣшимъ остальныхъ.

Хорошее упражненіе для памяти.

Ну вотъ, пока и все.

Крѣпко тебя обнимаю, моя Ксенія — душка, милую Мама и всѣхъ съ вами живущихъ.

Кланяюсь очень Финикину и Ящику *).

Христосъ со всѣми вами.

Всею душою тебя любящій

Твой старый Ники.

(Продолженіе слѣдуетъ).

«БОГЪ УТАИЛЪ ИХЪ ОТЪ ПРЕМУДРЫХЪ И ОТКРЫЛЪ МЛАДЕНЦАМЪ...» (Лук. X, 21).

Въ послѣднее время въ рядѣ газетныхъ и журнальныхъ сообщеній особенно участились выступленія нѣкоторыхъ лицъ съ критикой христіанства въ цѣломъ, а православія въ частности.

Дѣло, конечно, не въ именахъ, ибо "имя имъ легіонъ", а въ томъ поразительномъ невѣжествѣ съ одной стороны и не менѣе поразительныхъ апломбѣ и самоувѣренности съ другой, характерныхъ для ихъ авторовъ, достойныхъ по истинѣ глубочайшаго сожалѣнія.

Не будучи даже въ малой степени знакомы съ величайшей сокровищницей нашей св. Православной Церкви — твореніями св. Отцевъ, столь

*) Казакъ при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

удивительно согласными во всемъ, что касается самаго важнаго въ жизни христіанина — спасенія его души — на основѣ ихъ двухтысячелѣтняго мистическаго опыта внутренней, невидимой брани, авторы этихъ статей, съ высокаго пьедестала своей гордости видятъ только чисто внѣшнюю сторону Церкви, выхватывая отдѣльные историческіе факты ея жизни и трактуя ихъ такъ, какъ каждому изъ нихъ заблагоразсудится.

Обычно вуалируя свои мысли и подбирая такимъ образомъ, выгодные съ ихъ точки зрѣнія историческіе факты, они очень тонко стараются убѣдить читателя, что религія въ концѣ концовъ нужна болѣе простецамъ, но ужъ никакъ не къ лицу "просвѣщеннымъ мудрецамъ вѣка сего", а мы отъ себя прибавимъ: лукаваго.

Все это, конечно не ново, но никогда имъ не удастся, какъ не удавалось и ранѣе никому, разрѣшить извѣчныхъ запросовъ духа своимъ слабымъ разумомъ, если только ищущіе честны въ своихъ исканіяхъ.

Но оставимъ почивать "мудрецовъ вѣка сего" на своихъ болѣе чѣмъ неприглядныхъ лаврахъ. Не о нихъ будетъ сейчасъ рѣчь.

Здѣсь, наоборотъ, мы будемъ касаться именно простецовъ и въ ихъ смиренномудріи и благодатной простотѣ, озаренной Духомъ Святымъ, черпать для себя и утѣшеніе и духовную силу, столь необходимыя всѣмъ намъ въ эти лукавые дни.

Кто не знаетъ и не слышалъ о Христа ради юродивыхъ Дивѣевской обители блаженныхъ Пелагіи, Наталіи, Прасковіи и Маріи.

Не имѣя не только какихъ либо ученыхъ степеней, которыми такъ любятъ кичиться современные мудрецы, но зачастую даже не умѣя грамотно писать и читать, эти духовныя рабы Божіи были великими сердцевѣдцами, которымъ Господь за ихъ смиреніе, чистоту, дѣтскую, именно дѣтскую, вѣру и подвигъ молитвы даровалъ святой даръ врачевать души людей.

Этотъ подвигъ юродства т. е. борьба съ собственной гордостью, внѣшне выражающійся какъ безуміе, особенно непонятенъ для людей невѣрующихъ или маловѣрующихъ, а въ то же время "не знаютъ они", говоритъ одинъ изъ современныхъ великихъ Аѳонскихъ подвижниковъ, "что душа отъ любви ко Господу стала какъ бы безумной: сидитъ, молчитъ, говорить не хочетъ и, какъ безумная, смотритъ на міръ, не хочетъ и не видитъ его. И люди не знаютъ, что она созерцаетъ любимаго Господа, и міръ остался какъ бы позади и забытъ, и душа не хочетъ мыслить о немъ, потому что нѣтъ въ немъ сладости. Такъ бываетъ съ душой, которая познала сладость Духа Святаго". —

Такъ позналъ эту великую тайну озаренія Духомъ Святымъ и Мотовиловъ по молитвамъ преп. Серафима, и какими ничтожными кажутся разглагольствованія современныхъ мудрецовъ передъ величіемъ тайнъ, открываемыхъ простецамъ Духомъ Святымъ.

Вотъ одна изъ скромныхъ насельницъ нашей обители уже въ совѣтское время въ 1924 г., въ разгарѣ религіозныхъ гоненій, посѣтила Бл. Марію и по своей простотѣ душевной сказала ей:

— "Матушка, какъ бы я хотѣла побывать на Св. Землѣ и поклониться гробу Господню." —

Блаженная Марія внимательно посмотрѣла на нее и спокойно отвѣтила: " — ну что жъ тамъ и умрешь". И могла ли думать она тогда, что черезъ столько лѣтъ очутится на землѣ чуждей, откуда вполнѣ возможно будетъ осуществить завѣтное желаніе, какъ это и выполнили уже нѣкоторыя.

Вспоминается также мнѣ, нынѣ уже покойная, инокиня Дивѣевской обители м. Кипріана, много лѣтъ бывшая келейницей Блаж. Паши Саровской и сама стяжавшая даръ молитвы и разсужденія.

Это было въ 1926 г. т. е. за ½ года до страшнаго разгрома обители. Гроза уже чувствовалась въ воздухѣ, и много знаменій свидѣтельствовало о томъ, что злу временно, за грѣхи наши, попущено Господомъ торжествовать свою побѣду.

Мы сидѣли послѣ вечерняго богослуженія на крыльцѣ того домика, въ которомъ много лѣтъ жила и спасалась Бл. Паша.

Старица сидѣла молча, тихо перебирая четки и уйдя въ себя.

— "Вотъ скоро уѣдешь, касатикъ" — неожиданно произнесла она — "и ужъ болѣе не встрѣтиться намъ съ тобой въ этомъ мірѣ, и какъ душа моя проситъ Господа забрать меня къ Себѣ, чтобы не видѣть того еще болѣе страшнаго, что грядетъ. Вѣдь полъ вѣка почти прожила я въ обители и вотъ за грѣхи мои допустилъ Господь дождаться того страшнаго времени, о которомъ задолго еще предрекалъ намъ Батюшка Серафимъ. Видно такъ нужно."

"Вотъ этой весной" — продолжала она — "я молилась въ своей келліи. На дворѣ было такъ хорошо, солнышко ярко свѣтило, пташки по весеннему заливались. Помолившись и приготовившись какъ всегда выпить Крещенской водицы, я невольно выглянула въ окошко, чтобы порадоваться на Божій міръ и сразу, откуда ужъ и не знаю, ударила тьма, все въ мигъ почернѣло, что то сдавило грудь, рука не поднялась, чтобы сдѣлать крестное знаменіе. "Господи, неужели конецъ пришелъ?" — подумала я, и сама не вѣдая, какъ и зачѣмъ, я плеснула св. водой въ окошечко. Страшный, злобный смѣхъ послышался въ отвѣтъ, и все исчезло... какъ будто и не было ничего..."

Сердце не обмануло матушку. Черезъ ½ года послѣ нашей бесѣды ужасный шквалъ обрушился на обитель преп. Серафима и демоническій хохотъ раздавался вмѣсто св. пѣснопѣній, а вскорѣ Господь и забралъ къ Себѣ вѣрную рабу Свою.

Сейчасъ передо мною лежитъ жизнеописаніе одного изъ великихъ Валаамскихъ подвижниковъ послѣдняго времени, старца Онуфрія, записанное со словъ его келейника монаха Лонгина. Это жизнеописаніе было довѣрено мнѣ одной боголюбивой инокиней, много лѣтъ имѣвшей общаго старца и руководителя съ вышеуказаннымъ м. Лонгиномъ.

Самъ о. Лонгинъ былъ извѣстенъ своей высокой духовной жизнью. Въ его родѣ было 18 иноковъ. Дядя его, іером. Рафаилъ, былъ настоятелемъ св. Тихоновскаго Задонскаго м-ря и былъ замученъ большевиками.

Мон. Лонгинъ былъ крайне молчаливъ, ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ и только своему старцу раскрывалъ свою душу.

Старецъ Онуфрій въ молодые годы еще занимался Іисусовой молитвой и молилъ Бога о благодатной. Пошелъ онъ въ Александро-Невскую Лавру къ извѣстному тогда затворнику за руководствомъ и наставленіями.

Въ концѣ бесѣды затворникъ ему сказалъ: — "Твори 3000 молитвъ Іисусовыхъ". — Сталъ Онуфрій такъ дѣлать и скоро у него распухъ языкъ. Пошелъ онъ къ старцу просить совѣта опять. Тотъ ему отвѣтилъ: — "Твори теперь 6000 молитвъ въ день". — Сталъ Онуфрій творить 6000 молитвъ въ день. Послушаніе и усердіе ненавистны врагу нашего спасенія. Одолѣла Онуфрія страшная злоба, казалось, разорвалъ бы всѣхъ, но понимая ухищренія врага, пошелъ опять къ затворнику. — "Ничего" — сказалъ старецъ, ободрилъ его и велѣлъ читать 9000 молитвъ. Сталъ Онуфрій читать 9000 молитвъ — пошли по его тѣлу пузыри какъ отъ ожога... Опять идетъ къ старцу. — "Терпи" — говоритъ старецъ — "не ослабѣвай, читай теперь 12000 молитвъ." Сталъ Онуфрій неопустительно читать 12000 молитвъ, и вотъ, однажды, во Св. Пасху молилъ онъ усердно Божію Матерь о благодатной молитвѣ и чувствуетъ будто теплота разливается тихо въ груди. Съ того дня радость и теплота этой благодатной молитвы не покидали о. Онуфрія никогда въ теченіе 40 лѣтъ.

Старецъ Онуфрій жилъ въ скиту "Всѣхъ Святыхъ". Никого не принималъ, почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

Какъ то ночью о. Лонгинъ увидѣлъ сильный свѣтъ вродѣ зарева, пошелъ посмотрѣть. Свѣтъ около келліи о. Онуфрія. Испугался о. Лонгинъ, думалъ не пожаръ ли. Пошелъ туда ближе. Свѣтъ стоитъ кругомъ, нѣтъ ни огня ни дыма, тогда онъ подошелъ къ самой двери и посмотрѣлъ въ щель. Видитъ стоитъ о. Онуфрій высоко въ воздухѣ и весь какъ въ огнѣ.

На слѣдующій день о. Онуфрій посмотрѣлъ внимательно на о. Лонгина и велѣлъ ему молчать о томъ, что онъ видѣлъ, хотя о. Лонгинъ не сказалъ ему ни слова о видѣнномъ.

Наканунѣ своей кончины о. Онуфрій позвалъ о. Лонгина и сказалъ: — "Завтра пріобщусь св. Таинъ и отойду". — "Какъ это" — возразилъ о. Лонгинъ — "ты совсѣмъ здоровъ и бодръ?"

Старецъ тогда же много ему разсказалъ и о томъ, какъ учился Іисусовой молитвѣ, и многое открылъ ему. Предсказалъ о будущей революціи, о гибели Царя, разсказалъ о расколѣ въ Церкви и послѣдствіяхъ его — смутѣ и раздѣленіи въ обители. Перебирая имена всѣхъ, кто былъ потомъ у кормила монастырскаго правленія сказалъ, что "всѣ недостойны, одинъ есть, но онъ еще слишкомъ молодъ будетъ въ тѣ дни и его не поставятъ игуменомъ".

Всѣ его предсказанія сбылись въ точности. Отецъ Онуфрій принявъ св. Тайны мирно отошелъ ко Господу въ указанный имъ самимъ день.

Достойный быть игуменомъ былъ о. Варсонофій. Въ дни раскола (26 г.) онъ уѣхалъ въ Африку и много потрудился для Церкви. Отошелъ онъ ко Господу до войны 40 года.

Въ заключеніе хотѣлось бы напомнить еще объ одномъ событіи уже изъ жизни Аѳона. О. Пантелеймонъ — насельникъ Аѳона — въ своихъ записяхъ о современныхъ ему подвижникахъ второй половины прошлаго вѣка, такъ разсказываетъ...

— Но и на солнцѣ бываютъ пятна, такъ и на свѣтломъ фонѣ отшельнической жизни можно замѣчать нѣкоторыя нежелательныя явленія монашескаго устроенія.

Нѣкоторые, пріѣхавшіе изъ міра на Аѳонъ, проводятъ жизнь, мало отличающуюся отъ прежней ихъ мірской жизни. Они не поступаютъ, ни въ монастырь для обученія монашеской жизни, ни къ старцу опытному, а, какъ имѣющіе средства, покупаютъ келлію, и все вниманіе ихъ обращается на хозяйство съ тѣмъ, чтобы усадьба приносила доходъ, необходимый для обезпеченія его и тѣхъ, кого онъ приметъ въ качествѣ учениковъ. Естественно, что духовнаго опыта у нихъ нѣтъ.

Къ одному изъ такихъ старцевъ попалъ нѣкто Іаковъ, не зная къ кому онъ попалъ и не посовѣтовавшись съ другими опытными. Старецъ былъ грекъ, жилъ въ келліи Кавсоколивскаго скита, а Іаковъ, поступившій ученикомъ — болгаринъ.

Старецъ, по несчастью, увлеченный копальными работами, любилъ покой — самое великое зло въ монашествѣ, и къ тому былъ суровъ, строптивъ и въ духовной жизни не свѣдущъ, какъ не искавшій ея.

Іаковъ же стремился къ подвижнической жизни, желалъ поститься, молиться, нести особые подвиги, но старецъ не допускалъ его къ этому. Очень скорбѣлъ объ этомъ Іаковъ, но по совѣту своего духовника, который велѣлъ ему слушать старца, раскрывъ ему, какую при этомъ онъ будетъ имѣть пользу, онъ рѣшилъ терпѣть и не переходить къ другому старцу.

Итакъ, Іаковъ сталъ ночью молиться, а днемъ работать, соблюдая строгое воздержаніе и вниманіе, что не укрылось отъ его старца, очень притѣснявшаго его за это и не разъ дававшему ему даже толчки.

Однажды, до крайности стѣсняемый такой жизнью, Іаковъ въ большой скорби, по обычаю своему, ночью горячо молился передъ иконой Св. Троицы, находящейся надъ входомъ Соборнаго храма. Вдругъ послышалось ему, что кто то идетъ. Іаковъ спрятался. Ночь была лунная. Едва слышною стопою входитъ въ притворъ старецъ съ сѣдой бѣлой бородою, съ длинными волосами и весь нагой.

Взойдя онъ сталъ передъ дверьми церкви и, помолившись, перекрестилъ двери, которыя тутъ же сами по себѣ растворились. Старецъ вошелъ въ храмъ и долго по срединѣ его молился и даже вслухъ читалъ какія то молитвы.

Ужасъ и трепетъ объяли Іакова.

По довольной молитвѣ, невѣдомый старецъ приложился къ иконамъ и вышелъ, перекрестивъ двери, которыя заперлись также сами собой. Старецъ пошелъ, а у Іакова разгорѣлось сердце, ему захотѣлось увидѣть, кто такой этотъ старецъ и умолять его принять его къ себѣ. Такъ онъ

слѣдовалъ за нимъ изъ Кавсокаливскаго скита до Кирашей около часу труднаго подъема. Ночь кончалась, начало уже разсвѣтать. Многократно Іаковъ намѣревался догнать старца, но естественная робость при видѣ такого старца, жизнь котораго на Аѳонѣ должна была отличаться исключительной строгостью и святостью, долго не допускала до сего. Наконецъ, самъ старецъ, какъ бы испытывая любовь и терпѣніе Іакова, остановился и обратился къ нему:

— Куда идешь?

Іаковъ, упавъ къ ногамъ его, просилъ его взять съ собой.

— Не сможешь ты жить здѣсь.

Іаковъ усерднѣе со слезами сталъ просить.

Старецъ опять повторилъ: — "Не можешь ты жить здѣсь. — Ступай къ своему старцу и дѣлай послушаніе. Это послужитъ тебѣ во спасеніе. Кто не пріялъ божественной благодати, въ этомъ мѣстѣ жить не можетъ. Знай же и то, что въ скоромъ времени возьметъ тебя Господь." —

Старецъ пошелъ и отходя сказалъ — "здѣсь насъ двое".

Іаковъ не смѣлъ слѣдовать за нимъ, провожая его глазами, исполненными слезъ, душа была исполнена и страха и радости о всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

Онъ поспѣшилъ открыть все бывшее своему духовнику. Опытный духовникъ подтвердилъ слова видѣннаго имъ старца и преподалъ наставленіе, какъ готовиться къ исходу. И дивно — черезъ три недѣли Іаковъ скончался. Черезъ три года, по обычаю аѳонскому, открыли его косточки. Они благоухали и голова была какъ бы напитана масломъ. Такъ какъ многіе не знали его жизни, то дивились, въ томъ числѣ и самъ бывшій его старецъ, такому благоволенію Божію къ своему ученику, а когда узналъ отъ духовника, какъ проходилъ жизнь его ученикъ, то положилъ твердое намѣреніе перемѣнить и свою жизнь, и съ миромъ почилъ о Господѣ, всегда вспоминая своего ученика съ радостью и слезами.

По кончинѣ старца въ опредѣленное время скитскіе отцы положили его косточки въ общую усыпальницу къ костямъ его послушника.

Вотъ немудрый отвѣтъ нашъ "мудрецамъ вѣка сего", ибо Богъ утаилъ ихъ отъ премудрыхъ и открылъ младенцамъ", не по возрасту младенцамъ, а по чистотѣ ихъ жизни. И хорошо знаемъ, что если бы и въ наше время не было бы такихъ скрытыхъ рабовъ Божіихъ, хотя и оскудѣло ихъ число, день и ночь умоляющихъ Господа, да пощадитъ Онъ и міръ, коснѣющій во грѣхахъ, то земля наша не могла бы просуществовать и одного часа.

Д-ръ А. Тимофіевичъ.

ОТПѢВАНІЕ ПОДЪ КОНВОЕМЪ.

Воскресенье, мая мѣсяца 192... года.

День былъ прекрасный, теплый, солнечный, какъ и подобаетъ ему быть въ маѣ мѣсяцѣ. Въ 8 часовъ утра я отправился въ церковь для совершенія божественной литургіи. Нужно было пройти селомъ около версты разстоянія. Обратилъ вниманіе, что на воротахъ или калиткахъ нѣкоторыхъ крестьянъ были приколоты проволочкой маленькіе, въ ⅓ величины открытки, красные бумажные флажки. "Что бы это значило?", думалъ я: навѣрно неспроста". Только потомъ я догадался, что данное обстоятельство нѣкоторымъ образомъ было связано съ моей скромной личностью.

Пришлось проходить мимо бывшаго священническаго дома, въ которомъ я прожилъ нѣсколько лѣтъ и который сейчасъ занимаетъ сельская коммунистическая ячейка и комсомолъ. По вечерамъ тутъ собираются комсомольцы, происходятъ засѣданія ком-ячейки, и рѣшается судьба многихъ жителей села и всей волости. Въ домѣ осталась моя большая библіотека, отобранная у меня на предметъ устройства библіотеки общественной, хотя я не видѣлъ, чтобы кто либо изъ жителей села пользовался книгами. Къ сожалѣнію, книги религіознаго содержанія были уничтожены.

Отслужилъ литургію при обычномъ стеченіи народа. Страха ради іудейска, проповѣди не говорилъ. На клиросѣ въ числѣ пѣвчихъ пѣло нѣсколько подростковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, состоящихъ въ комсомолѣ, что впослѣдствіи было поставлено мнѣ въ вину Губчекою, какъ вредно вліяющему на молодежь. Вернулся домой, то-есть въ нанимаемую у крестьянъ квартиру. На душѣ была такая неизбывная тоска отъ того, что творилось на св. Руси, въ нашемъ околодкѣ и селѣ. Нѣкоторые сосѣдніе священники были уже арестованы, несомнѣнно приближалась и моя очередь. Не хотѣлось оставаться дома, какъ бы въ предчувствіи приближающейся бѣды.

Послѣ обѣда всей семьей, т. е. съ матушкой и дѣтьми, мы вышли за село въ степь, которая уже покрылась зеленымъ ковромъ травы. Мы пошли дорожкой возлѣ огородовъ. У всѣхъ крестьянъ огороды уже были воздѣланы, засажены и засѣяны овощами. Пустовалъ только нашъ бывшій огородъ, сиротливо выдѣлявшійся изъ сосѣднихъ. Огородъ этотъ былъ собственноручно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, раздѣланъ мною изъ пустыря и теперь снова обращается въ пустырь. Стало еще тяжелѣе и, не заходя домой, мы рѣшили навѣстить одного очень развитого и добраго крестьянина. Онъ былъ хорошо грамотенъ, въ теченіе многихъ лѣтъ выписывалъ комаровскую газету "Свѣтъ", съ приложеніемъ сочиненій графа Саліаса. Зналъ исторію Россіи, былъ религіознымъ, уважаемъ населеніемъ, и болѣзненно переживалъ революціонныя событія. Такою же

была и его жена. Чуть не въ 60 лѣтъ, она начала посѣщать воскресную школу и научилась читать и писать.

Хозяева обрадовались нашему приходу. Они тоже не находили себѣ мѣста. Появился на столѣ неизмѣнный самоваръ, и за чаепитіемъ и разговорами время прошло незамѣтно. Начало вечерѣть. Мы уже стали собираться домой, какъ вдругъ открылась дверь и въ комнату ввалились трое: двое съ винтовками за плечами, а одинъ, въ сѣрой шинели, съ револьверомъ за поясомъ. Первые двое были сельскими милиціонерами. Одинъ изъ нихъ молодой парень, теперь комсомолецъ. Онъ часто работалъ у меня во время сѣнокоса и уборки сѣна. Другой — бѣженецъ войны, изъ западныхъ губерній, обремененный большой семьей, которому помогали жители села, а также и многогрѣшный азъ. Нѣкто въ сѣромъ былъ комиссаръ Губчека, заявившій, что онъ имѣетъ дѣло ко мнѣ и приказавшій мильтонамъ произвести у крестьянина обыскъ. Мильтоны перевернули постели и сундуки, пошарили въ грязномъ бѣльѣ и ничего, конечно, контръ-революціоннаго въ немъ не нашли.

Комиссаръ приказалъ намъ идти домой. Мы прошли по улицѣ до своей квартиры подъ конвоемъ милиціи и чекиста-комиссара около полуверсты, но никого на улицѣ не встрѣтили. Теперь я понялъ значеніе вывѣшенныхъ красныхъ флажковъ: это сов-работники и коммунисты флажками отмѣтили прибытіе комиссара изъ Губчеки и предстоящій мой арестъ.

Разговаривать съ семьей я не могъ, т. к. тѣлохранители слѣдовали буквально по пятамъ.

Когда мы вошли въ домъ, комиссаръ Губчеки предъявилъ мнѣ мандатъ, въ которомъ предлагалось ему сдѣлать у меня обыскъ и, независимо отъ результатовъ онаго, арестовать меня и доставить въ распоряженіе Губчеки. По распоряженію комиссара, мильтоны произвели самый тщательный обыскъ, предварительно спросивъ, гдѣ спрятано оружіе. Къ чести комиссара нужно сказать, что онъ былъ очень вѣжливъ, лично въ обыскѣ участія не принималъ и, казалось, съ брезгливостью наблюдалъ чрезмѣрное усердіе ищеекъ, которые буквально перевернули весь домъ вверхъ дномъ.

Узнавъ о предстоящемъ моемъ арестѣ, жена и дѣти подняли плачъ. Комиссаръ же сталъ ихъ успокаивать: Губчека-де учрежденіе хорошее, бояться ея нечего, тамъ по всей справедливости разберутъ дѣло и, если не будетъ серьезнаго обвиненія, съ миромъ отпустятъ. При этомъ комиссаръ предложилъ мнѣ крѣпче покушать, т. к. въ каталажной камерѣ при волости, гдѣ я буду содержаться до утра, когда меня отправятъ въ городъ, ѣсть не даютъ. Жена быстро соорудила ужинъ, да и сооружать было нечего, т. к. кромѣ картошки и простокваши въ домѣ ничего не было.

Было темно, когда меня увели изъ дома подъ конвоемъ тѣхъ же лицъ: два милиціонера съ винтовками по бокамъ и комиссаръ съ револьверомъ въ рукахъ сзади. До волостного исполкома было около версты ходу.

Каталажная камера представляла собою комнату, приблизительно 5×5 арш. Помѣщалась она рядомъ съ канцеляріей. Въ канцеляріи горѣла лампа молнія, за письменнымъ столомъ сидѣлъ секретарь волисполкома, бывш. секретарь волостного правленія и волостной земской управы. Я поздоровался съ нимъ, но на мое привѣтствіе онъ не отвѣтилъ. Какъ говорили крестьяне, онъ уже примазался къ новой власти. Конечно, мысленно я его осудилъ за это, тѣмъ болѣе, что онъ былъ кое-чѣмъ мнѣ обязанъ.

Меня впустили въ каталажку и заперли на замокъ. Свѣта въ каталажкѣ не было, какъ не было также никакой мебели, ни стола, ни табуретки, ни скамьи. Пришлось располагаться прямо на полу. Въ головѣ стоялъ шумъ, мысли бѣжали одна за другой: что будетъ со мной, какъ будетъ жить семья, оставшаяся безъ всякихъ средствъ? Лежать на полу было неудобно, жестко и, кромѣ того, я подвергся атакѣ со всѣхъ сторонъ напавшихъ на меня красныхъ полчищъ. Вѣроятно въ каталажкѣ давно никто не сиживалъ. Я былъ первой жертвой новаго режима. Почуявъ запахъ человѣчины, цѣлымъ роемъ напустились клопы. Благо весеннія ночи коротки — воевать пришлось недолго.

Часовъ около 8 утра должна была прійти подвода, на которой предполагалось отправить меня въ городъ, но уже около 6 часовъ утра около волисполкома послышался громкій говоръ, галдежъ, слышны были мужскіе и женскіе голоса. Я внимательно прислушался, но ничего не могъ разсбрать, что происходило. Вдругъ открылась камера. Ко мнѣ вошелъ комиссаръ Губчеки и объявилъ, что прежде чѣмъ отправиться въ городъ, я долженъ совершить обрядъ отпѣванія умершей вчера женщины, конечно, не пытаясь бѣжать или вступать съ кѣмъ либо въ разговоръ, кромѣ того, что относится къ обряду погребенія. При мнѣ неотступно будутъ находиться два вооруженныхъ милиціонера. При этомъ мнѣ разрѣшается зайти къ себѣ на квартиру, взять просфоры и все, что нужно для совершенія литургіи.

Не нужно говорить, что данному обстоятельству я былъ чрезвычайно радъ. Мысленно благодарилъ Бога, и начиналъ вѣрить, что Богъ не безъ милости и меня не оставитъ. Вспомнились слова псалма: "Вечеръ водворится плачъ, а заутра радость". Вѣдь это великая милость — отслужить божественную литургію передъ предстоящимъ великимъ испытаніемъ; вѣроятно, послѣднюю литургію въ храмѣ, гдѣ прослужилъ нѣсколько лѣтъ; да и при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, которыхъ никогда не забудутъ мои прихожане; проститься съ ними, хотя бы и безмолвно, проститься навсегда съ храмомъ и повидаться еще разъ, можетъ быть въ послѣдній, съ семьей. Я былъ преисполненъ такими мыслями, и подъ конвоемъ милиціи и комиссара меня повели на квартиру.

Оказывается, шумъ возлѣ волисполкома былъ вызванъ большимъ собраніемъ крестьянъ, которые требовали немедленнаго моего освобожденія для погребенія умершей: "мы не животныя, чтобы закапывать безъ молитвы", и вообще протестовали противъ моего ареста.

Комендантъ Губчеки и на этотъ разъ показалъ себя человѣкомъ: онъ могъ разогнать толпу, арестовать зачинщиковъ, а меня немедленно отправить въ городъ. Видно, что онъ былъ человѣкъ хорошій. Онъ долго уговаривалъ и успокаивалъ толпу: "Вижу, что вы любите своего священника, и онъ, вѣроятно, заслуживаетъ этого, но освободить его я не могу, т. к. я исполняю распоряженіе властей. Я доложу обо всемъ начальству. Несомнѣнно, оно приметъ все во вниманіе и отпуститъ священника. Все что я могу сдѣлать, это разрѣшить ему совершить погребеніе умершей"...

Меня подъ конвоемъ привели домой, я взялъ просфоры и подъ конвоемъ отправился въ церковь. Крестьяне подняли хоругви и унесли въ домъ умершей, и оттуда начался мой крестный путь, въ концѣ концовъ, послѣ многихъ опасныхъ переживаній приведшій меня въ Америку. Шелъ я впереди гроба. По бокамъ шли два милиціонера съ винтовками, а сзади комиссаръ Губчеки съ револьверомъ въ рукахъ. Народу собралось много. Одни пришли проводить къ мѣсту послѣдняго упокоенія покойницу, другіе проститься со мной и проводить меня въ тюрьму. Получилась внушительная демонстрація. Сначала у меня лились слезы, но скоро я почувствовалъ снисшедшее на меня спокойствіе и даже радость, что за служеніе Богу и Церкви я удостоился принять поруганіе и причисленіе къ сонму страдающихъ за гонимую Церковь и вѣру. Конечно, это шествіе никогда не изгладится изъ памяти прихожанъ, являясь завершеніемъ моего служенія въ этомъ приходѣ и предзнаменованіемъ того, что и въ дальнѣйшемъ пастырское служеніе уже будетъ не чѣмъ инымъ, какъ тяжелымъ крестомъ.

Литургію служилъ съ особымъ подъемомъ, радуясь, что Господь сподобилъ ее отслужить, можетъ быть послѣдній разъ въ жизни, проститься съ храмомъ, его святынями и прихожанами. Началось отпѣваніе. Трудно было сохранить спокойствіе. Душили слезы, спазмы въ груди лишали голоса. Казалось, отпѣваю самого себя.

Во время литургіи мильтоны съ винтовками стояли, одинъ на правомъ клиросѣ, другой на лѣвомъ. Комиссаръ Губчеки въ Церковь не заходилъ. Онъ находился въ оградѣ, бесѣдуя то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ крестьянъ.

По отпѣваніи покойницы, похоронная процессія въ прежнемъ порядкѣ отправилась на кладбище, которое находилось въ разстояніи приблизительно версты. Опустили покойницу въ могилу, пропѣли "Вѣчную память". Я поклонился прихожанамъ со словами: "Простите и не забывайте". Комиссаръ разрѣшилъ мнѣ зайти въ алтарь, привести его въ надлежащій порядокъ послѣ службы, проститься съ храмомъ, а также разрѣшилъ зайти въ домъ и пробыть тамъ около часа въ семьѣ, конечно, подъ наблюденіемъ милиціи.

Я простился съ храмомъ, съ престоломъ, передъ которымъ предстоятельствовалъ нѣсколько лѣтъ, съ образами. Въ храмѣ находился мѣстночтимый образъ пр. Иліи, въ богатой кованной серебро-позлащенной ризѣ.

Пророкъ держитъ въ рукахъ жезлъ, и я вспоминаю его слова: "Пророковъ Твоихъ убили, остался я одинъ, но и моей души ищутъ". А Господь отвѣчаетъ: "Еще семь тысячъ израильтянъ не поклонились Ваалу". Вѣрю, много прихожанъ не поклонились красному Ваалу.

Простившись съ храмомъ, я въ сопровожденіи милиціи отправился домой. Мнѣ разрѣшили подкрѣпиться пищей, взять запасы таковой съ собою, бѣлья и одежды. Матушка приглашала къ столу и милиціонеровъ, но они отказались, т. к. по ихъ словамъ, они находятся при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Затѣмъ, въ сопровожденіи семьи, меня повели въ волисполкомъ, возлѣ котораго стояла большая толпа крестьянъ, большая, чѣмъ была на кладбищѣ. Скоро прибыла пароконная подвода. Меня усадили, а по бокамъ сѣли два милиціонера съ винтовками въ рукахъ. Комиссаръ Губчеки остался въ селѣ.

Въ болѣе чѣмъ верстѣ отъ села была рѣка. Еще не прошла полая вода. Черезъ рѣку нужно было переправляться на паромѣ, ѣхали шагомъ. Толпа провожала меня до самой рѣки. Вотъ мы уже на паромѣ, который уноситъ меня отъ милыхъ и любимыхъ, семьи и паствы, которая въ сущности та же семья, и которая провожала меня съ такой любовью. Я смотрѣлъ назадъ. Люди махали платками, шапками, крестили, плакали. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже на другомъ берегу.

Вдругъ со стороны паромщиковъ раздалась страшная ругань по адресу совѣтской власти и сопровождавшихъ меня милиціонеровъ. "Батя, бросимъ этихъ негодяевъ мильтоновъ въ воду, а ты спасайся". Пришлось успокаивать паромщиковъ и заступаться за мильтоновъ: "Мильтоны тутъ не причемъ, Они исполняютъ приказаніе начальства. Не они, были бы другіе. А бѣжать некуда. Богъ милостивъ. Скоро увидимся". Но увидѣться болѣе не пришлось.

До города было 30 верстъ. Лошади были хорошія, и часа черезъ три мы подъѣхали къ проклятому Богомъ и людьми учрежденію, называемому Губчекой. Комендантура помѣщалась на второмъ этажѣ. Мильтоны сдали меня подъ расписку коменданту и удалились. Комендантъ предложилъ мнѣ для заполненія анкету и по заполненіи отнесъ ее въ канцелярію Губчека. Вернувшись оттуда, онъ сказалъ: "Забирайте вещи и слѣдуйте за мной".

Черезъ караульное помѣщеніе онъ провелъ меня въ подвалъ Губчеки, открылъ дверь, и я очутился въ подвалѣ, въ которомъ въ то время было человѣкъ 50-60. Началась новая жизнь. "И къ злодѣямъ причтенъ..."

Прот...

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе св. священномученика отца нашего Филиппа митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца.

Память 9 января.

Великій защитникъ правды святитель мученикъ Филиппъ происходилъ изъ древняго, знатнаго рода бояръ Колычевыхъ. При крещеніи дали ему имя Ѳеодоръ, т. е. даръ Божій. И, дѣйствительно, онъ былъ для всей Руси Святой даромъ Божіимъ. Онъ родился въ 1507 году въ славномъ городѣ Москвѣ — въ самомъ сердцѣ тогдашней Руси. Его богатые родные дали ему, по тогдашнему времени, блестящее образованіе. Юношей Ѳеодоръ поступилъ на царскую службу. Его очень полюбилъ въ то время еще несовершеннолѣтній великій князь Іоаннъ Васильевичъ — будущій Грозный царь. Почести, слава, богатая жизнь — вотъ что ожидало впереди юнаго, одареннаго умомъ и способностями, Ѳеодора. Но уже съ дѣтскихъ лѣтъ его душа устремлялась отъ земли къ небу. Юношу не привлекали ни слава, ни свѣтская, веселая, безпечная жизнь. Юный Ѳеодоръ, устремившись душою къ Единому Господу, рѣшилъ жить только для Него, трудиться только для Него и любить только Его Единаго. Гдѣ же всего удобнѣе спасти душу, думать только о небесномъ? «Въ тихомъ, пустынномъ монастырѣ», — отвѣтилъ себѣ юный Ѳеодоръ. Душа его устремилась изъ Москвы въ отдаленный, прекрасный, но и дикій сѣверъ... Тамъ, среди суровой природы, возвышалась мирная обитель Соловецкая.

Ѳеодоръ хорошо зналъ, что родные не отпустятъ его въ монастырь. Вѣдь они дали ему прекрасное образованіе, чтобы онъ наслаждался всѣми земными благами. И тайно отъ родныхъ, переодѣвшись въ крестьянское платьѣ, отправился онъ въ дальній путь безъ всякихъ средствъ, надѣясь лишь на помощь Божію. Ѳеодору было тогда уже около тридцати лѣтъ. По дорогѣ онъ остановился у одного крестьянина и нанялся къ нему въ работники. Заработавъ на дальнѣйшій путь, Ѳеодоръ снова отправился въ дорогу. Послѣ многихъ трудностей достигъ онъ своей желанной цѣли — прекраснаго, тихаго монастыря Соловецкаго. Радовалась его святая, чистая душа, когда онъ вошелъ въ монастырскія врата.

Онъ былъ ласково принятъ старцемъ Алексіемъ — игуменомъ Соловецкой обители.

И сталъ святой усерднымъ, тихимъ, кроткимъ послушникомъ. Смиренно носилъ воду, рубилъ дрова, работалъ на кухнѣ, въ огородѣ, на мельницѣ. Но не всѣ иноки оказывали ему любовь. Врагъ рода человѣческаго внушалъ нѣкоторымъ братьямъ оскорблять его. Нѣкоторые дурные монахи даже били кроткаго, смиреннаго, святого раба Божія.

Черезъ полтора года игуменъ старецъ Алексій постригъ святаго Ѳеодора и назвалъ его Филиппомъ. Но и въ новомъ званіи юный инокъ оставался такимъ же кроткимъ, смиреннымъ, незлобивымъ.

Высока, чиста была молитва избранника Божія! Чтобы безъ развлеченія устремляться душою якъ Богу, инокъ Филиппъ часто просилъ своего игумена благословить его удаляться на одинъ пустынный островъ. Благостный игуменъ разрѣшалъ, зная любовь инока Филиппа къ уединенію. Надъ свѣтлымъ озеромъ, въ полномъ безмолвіи, съ Единымъ лишь Господомъ бесѣдовалъ блаженный инокъ Филиппъ.

О. игуменъ Алексій настолько полюбилъ смиреннаго молитвенника, что рѣшилъ передать ему управленіе обителью. Ему, на старости, было уже трудно управлять монастыремъ. Св. Филиппъ не соглашался, и игуменъ созвалъ всю братію. Иноки, какъ единая душа, избрали себѣ въ настоятели святого Филиппа. И пришлось ему ѣхать въ Новгородъ, чтобы его рукоположилъ въ игумена Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій.

Съ любовію приняла новаго игумена братія. Но святой Филиппъ упросилъ старца о. Алексія еще продолжать управлять обителью. Самъ же удалился на любимый островъ надъ тихимъ озеромъ. Это озеро съ тѣхъ поръ стало называться «Филиппово».

Послѣ кончины старца игумена, святой Филиппъ долженъ былъ оставить любимую пустыню и начать управлять Соловецкою обителью.

Въ то время монастырь былъ очень бѣденъ, плохо устроенъ. Много, много надо было потрудиться новому игумену, чтобы изъ бѣдной обители сдѣлать прекрасный, цвѣтущій монастырь. Онъ получилъ отъ родныхъ большія деньги и всѣ ихъ истратилъ для своей любимой обители. Блаженный просилъ помощи и у царя Іоанна Васильевича и получилъ ее. Въ началѣ своего царствованія царь былъ очень благочестивымъ человѣкомъ. Онъ любилъ друга своего дѣтства святого и блаженнаго Филиппа. Святой игуменъ два раза ѣздилъ въ Москву къ царю Іоанну.

Блаженный настоятель былъ не только великимъ молитвенникомъ, но и отличнымъ хозяиномъ. Онъ научилъ братію, какъ надо обрабатывать скудную, сѣверную землю, чтобы она давала хорошіе урожаи. Онъ завелъ разныя ремесла, выстроилъ отличную мельницу, которая существовала вплоть до большевизма и называлась «Филиппова мельница». Св. игуменъ былъ и геніальнымъ изобрѣтателемъ. Чтобы работникамъ было легче трудиться, онъ придумалъ нѣкоторыя сельскохозяйственныя орудія и даже устроилъ водопроводъ.

Полудикіе лопари, жившіе на Соловецкомъ островѣ съ удивленіемъ смотрѣли на устройство водопровода монастырскаго — удивлялись, какъ вода сама сливается со всѣхъ чановъ, черезъ трубу подымается наверхъ, переходитъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, пока ни разойдется по всѣмъ бочкамъ. До святого Филиппа рожь на сушило носили многіе, а теперь настоятель придумалъ такую телѣгу: сама рожь насыпается, сама привозится и сама высыпается въ сушило. Прежде рожь просѣвали многіе, а святой устроилъ сѣвальню съ десятью рѣшетами и сѣетъ только одинъ братъ. Блаженный устроилъ одно такое дивное рѣшето — само посыпаетъ, сѣетъ, а отруби, муку и высѣвки разводитъ розно. Прежде много братіи носило рожь на гумно вѣять, а святой игуменъ нарядилъ къ тому вѣтеръ — онъ мѣхами въ мельницахъ рожь вѣетъ. Прежде глину на кирпичъ копали братья, а теперь однимъ валомъ копаютъ столько, сколько многіе иноки копали. Да всѣхъ изобрѣтеній геніальнаго святого игумена Филиппа нѣтъ возможности и описать!

Вплоть до большевицкихъ временъ, когда богомольцы подплывали на пароходѣ къ славной Соловецкой обители, то поражались ея красотою; а все, что они видѣли — дѣла рукъ св. игумена Филиппа, его святого генія. А вѣдь природа сѣвера — суровая, климатъ тяжелый, лѣто короткое.

Святой Филиппъ воздвигъ съ Божіей помощію величественный храмъ въ честь Успенія Пресвятой Богородицы, построилъ прекрасную больницу, каменныя келліи для братіи, устроилъ хорошую пристань.

Для монаховъ, любящихъ уединеніе, устроилъ скитъ, т. е. маленькій монастырекъ на одномъ изъ островковъ, недалеко отъ обители. Блаженный игуменъ соорудилъ и второй, обширный, дивный храмъ въ честь Преображенія Господня.

Мудро, кротко управлялъ 18 лѣтъ св. Филиппъ, какъ вдругъ получаетъ отъ царя Іоанна (въ то время уже, дѣйствительно, грознаго и жестокаго) приказъ явиться въ Москву. Понялъ святой Филиппъ, что великій подвигъ ожидаетъ его. До Соловецкой обители доходили вѣсти о неслыханныхъ жестокостяхъ царя. Вѣдь въ Соловецкую обитель былъ сосланъ духовникъ и совѣтникъ царя Сильвестръ, за то, что безбоязненно говорилъ царю правду и обличалъ его злодѣянія. Съ царемъ произошла необычайная перемѣна. Онъ сдѣлался мрачнымъ, жестокимъ, подозрительнымъ. Онъ завелъ особый отрядъ тѣлохранителей, которыхъ назвалъ «опричниками». Царь Іоаннъ сдѣлался грозою для всей Руси Святой.

Съ печалію провожали святого игумена братія, со слезами, — разлучаясь, можетъ быть, навсегда! Въ Новгородѣ жители вышли святому Филиппу навстрѣчу и умоляли защитить ихъ отъ гнѣва Грознаго царя.

И вотъ блаженный увидѣлъ царя Іоанна Васильевича. Увидѣлъ и — ужаснулся! Царь измѣнился до неузнаваемости. Куда скрылась его благообразная наружность, когда онъ былъ благочестивымъ и справедливымъ. Онъ преждевременно посѣдѣлъ. На лицо легли глубокія морщины. Взглядъ горѣлъ огнемъ, смотрѣлъ царь исподлобья, свирѣпо. Св. Филиппъ безбоязненно сталъ умолять царя уничтожить опричину, ненавистную для всего народа. Онъ говорилъ, что не согласится принять санъ митрополита, если онъ не исполнитъ его просьбы. Св. Филиппъ увѣрялъ царя, что ему не надо тѣлохранителей: ни одинъ человѣкъ въ его державѣ не хочетъ ему зла. «Держись твоего прежняго благочестія», закончилъ рѣчь неустрашимый защитникъ правды.

Царь слушалъ, но не соглашался уничтожить опричины. Онъ только настаивалъ, чтобы св. Филиппъ принялъ санъ митрополита. И блаженный, съ надеждою, что онъ будетъ полезенъ церкви и родинѣ, покорился.

Нѣкоторое время царь Іоаннъ благосклонно относился къ правдивому архипастырю, слушалъ со вниманіемъ его мудрыя рѣчи. Казни стали рѣже. Опричники присмирѣли. Люди облегченно вздохнули. Но не долго слушалъ Іоаннъ Васильевичъ мудрыя, тихія, благодатныя рѣчи святого учителя. Оклеветали святого предъ царемъ. Злые опричники наговорили подозрительному царю, будто св. Филиппъ заодно съ его врагами. Разбойники обвинили въ измѣнѣ невиннаго, а вмѣстѣ съ нимъ и невинныхъ бояръ.

Полилась кровь рѣкою.

Св. митрополитъ рѣшилъ остановить царя. Царь уѣхалъ въ страшное гнѣздо опричниковъ, въ свою любимую Александровскую слободу. Святой поспѣшилъ вслѣдъ за Грознымъ. Онъ сталъ безстрашно обличать его въ жестокости, въ несправедливости. Правдивыя слова святого пастыря привели въ ярость Іоанна Васильевича, забывшаго Бога мира и любви.

2-го марта 1568 года, въ воскресенье крестопоклонное, св. митрополитъ служилъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Къ концу литургіи въ соборъ вошелъ царь съ толпою разнузданныхъ опричниковъ. И царь и его тѣлохранители осмѣлились въ домъ Божій явиться въ странномъ видѣ. На нихъ были черныя рясы. Головы были покрыты остроконечными шлыками; въ рукахъ всѣ держали оружіе. Іоаннъ Грозный, пылая ненавистью къ святому митрополиту, дерзнулъ въ такомъ видѣ просить у него благословенія. Святой пристально смотрѣлъ на образъ, какъ бы не замѣчая царя.

Одинъ изъ опричниковъ сказалъ митрополиту: «Святый владыко, Государь проситъ твоего благословенія».

Св. Филиппъ, взглянувъ на царя, спокойно сказалъ: «Въ этомъ странномъ одѣяніи я не узнаю царя православнаго. Не узнаю его и въ дѣлахъ царства. О, государь, мы здѣсь совершаемъ безкровную жертву, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанъ. У язычниковъ даже есть законъ и справедливость, есть милосердіе, а въ Русской Землѣ ихъ нѣтъ. Ты высокъ на престолѣ, но есть Всевышній Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагренный кровію подданныхъ!»

Царь ударилъ жезломъ о каменную плиту храма и, пылая неукротимою злобою, вышелъ изъ Божія дома.

Надъ святымъ и невиннымъ страдальцемъ былъ произведенъ судъ. Судили его люди недостойные, среди которыхъ были и епископы, шедшіе путемъ лжи.

Спокойно сказалъ царю праведникъ: «Государь, думаешь-ли ты, что я боюсь твоихъ угрозъ или смерти? Честно дожилъ я до старости, — честно и предамъ душу мою Господу, Который разсудитъ между нами».

Святый Филиппъ, въ знакъ отказа отъ своего сана, снялъ съ себя клобукъ и мантію митрополита. Но царь приказалъ ему ждать окончательнаго рѣшенія суда и не снимать съ себя по своей волѣ знаки власти митрополита. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ праздникъ св. архистратига Михаила 8 ноября, св. Филиппъ въ полномъ облаченіи готовился начать литургію въ Успенскомъ Соборѣ. Нарушая тишину Божія храма, вдругъ ворвался одинъ изъ самыхъ жестокихъ опричниковъ царя Басмановъ. Его окружали кромѣшники. Въ его рукахъ былъ свитокъ, который онъ прика-

залъ прочитать вслухъ собравшемуся въ храмъ народу. Люди Божіи, объятые страхомъ и жалостію, услышали, что святый митрополитъ, какъ преступникъ, лишенъ своего сана!

Злые опричники тутъ же грубо стали срывать со святого его святительское облаченіе, надѣли на него ветхую ризу и метлами выгнали изъ храма. Горько плакалъ народъ. А невинный страдалецъ утѣшалъ плачущій народъ, спокойно перенося безчестіе. Святого посадили на дровни и повезли въ Богоявленскій монастырь. Множество народа, обливаясь слезами, провожало горячо любимаго архипастыря, который съ любовію осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ, повторяя: «Молитесь... молитесь...

На слѣдующій день въ Богоявленскомъ монастырѣ былъ совершенъ неправедный судъ. Спокойно выслушавъ приговоръ, въ послѣдній разъ сказалъ св. Филиппъ царю, чтобы онъ прекратилъ свои страшныя злодѣянія, т. к. каждому Господь воздастъ по его дѣламъ.

Опричники бросили невиннаго страдальца въ мрачную темницу. Забили ноги его въ колодки. Заковали руки, еще недавно благословлявшія народъ Божій.

Князь Курбскій, жившій въ эти страшныя времена, свидѣтельствуетъ, что въ тюремную камеру, гдѣ былъ заключенъ святой Филиппъ, впустили однажды голоднаго медвѣдя. Звѣрь обошелся со страдальцемъ, какъ со своимъ другомъ. Ласкался къ святому... Съ любовію смотрѣлъ на него. Неразумное животное чувствовало святость невиннаго страдальца. Донесли царю Іоанну Васильевичу о чудѣ Божіемъ. Ослѣпленный гнѣвомъ, онъ воскликнулъ: «Чары, чары готовитъ врагъ мой и измѣнникъ Филиппъ!»

Царь приказалъ святого перевести въ Никольскій монастырь. А въ то же время всѣхъ его родственниковъ жестоко пыталъ и казнилъ. Безчеловѣчный царь прислалъ ему въ монастырь отрубленную голову любимаго племянника, Венедикта. Царь велѣлъ передать св. Филиппу страшныя, безумныя слова: «Чары твои не спасли его». Св. мученикъ поцѣловалъ голову Венедикта, благословилъ и сказалъ: «Блаженны тѣ, которыхъ избралъ и принялъ Господь. Память ихъ будетъ въ родъ и родъ».

Святого Филиппа снова бросили въ мрачную темницу, снова морили голодомъ, опять оковали какъ преступника. А близъ тюрьмы день и ночь толпился народъ Божій, проливая слезы о невинномъ страдальцѣ. Божіи люди разсказывали другъ другу о дивныхъ чудесахъ, которыя творилъ смѣлый защитникъ истины. Любовь народная къ святому, плачъ о его страданіяхъ доводили до полнаго отчаянія мрачнаго царя, и онъ рѣшилъ отправить священномученика изъ Москвы, подальше отъ взора народнаго... Святого страдальца перевезли въ Тверь, въ такъ называемый «Отрочь Монастырь». Путь туда долженъ былъ держать священ-

номученикъ лютою зимою, въ плохой одеждѣ, не защищавшей его отъ крѣпкихъ, сѣверныхъ морозовъ. Въ новомъ заточеніи свирѣпый сторожъ по нѣскольку дней не приносилъ ему пищи и грубо, дерзко обращался съ нимъ.

Приближался конецъ его многострадальной жизни. Вѣнцы небесные сплетались священномученику въ блаженныхъ, райскихъ обителяхъ Божіихъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ пошелъ со своею страшною дружиною противъ новгородцевъ — готовилъ несчастнымъ свою лютую месть. Путь его шелъ черезъ Тверь. Прибывъ туда, онъ рѣшилъ окончательно погубить своего обличителя. Онъ направилъ къ священномученику одного изъ самыхъ свирѣпыхъ опричниковъ, Малюту Скуратова. Послалъ его царь съ хитростію, — будто просить благословенія въ походъ... въ походъ противъ своихъ же братьевъ православныхъ. Святая душа страдальца чувствовала близкую кончину. Въ день своей насильственной смерти причастился св. Филиппъ. Онъ тихо молился, когда къ нему вошелъ убійца и вкрадчиво произнесъ: «Владыко святый, благослови царя идти въ Новгородъ». — «Благословляютъ только добрыхъ и на доброе», отвѣтилъ священномученикъ, « — но дѣлай то, для чего ты посланъ: не обманывай меня, испрашивая даръ Божій». Потомъ святой страдалецъ воскликнулъ: «Господь Вседержитель, пріими духъ мой!»

Малюта, недрогнувшею рукою, задушилъ святого старца... Выйдя изъ келліи, Малюта пошелъ къ игумену и сдѣлалъ ему строгій выговоръ: онъ плохо смотрѣлъ за заключеннымъ, т. к. онъ задохся отъ слишкомъ жарко натопленной печки. Игуменъ и братія съ ужасомъ выслушали преступную ложь палача. Малюта приказалъ у алтарной стѣны соборной церкви Пресвятой Троицы выкопать могилу, куда безъ отпѣванія опустить еще не похолодѣвшее тѣло священномученика.

Это было 23 декабря 1569 года.

Прошло 20 лѣтъ. Въ царствованіе тихаго, богобоязненнаго царя Ѳеодора Іоанновича, сына Іоанна Грознаго. иноки Соловецкой обители, сохранившіе до сихъ поръ свою любовь къ ихъ прежнему игумену — мученику, попросили у царя, чтобы тѣло ихъ святого настоятеля было-бы перенесено въ ихъ сѣверную обитель. Блаженный царь съ радостію исполнилъ желаніе иноковъ.

Открыли гробъ святителя-мученика — его страдальческое тѣло оказалось нетлѣннымъ. Торжественно были встрѣчены святыя мощи въ Соловецкой обители и похоронены въ той самой могилѣ, которую собственноручно выкопалъ для себя святой Филиппъ передъ отъѣздомъ въ Москву. Къ его могилѣ стали приходить болящіе и получали здоровье. Стекались скорбные люди и получали утѣшеніе; приводили бѣсноватыхъ и нормальными уводили домой.

Благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ въ 1652 году испросилъ прощеніе за своего царственнаго предшественника у святого и повелѣлъ перенести св. мощи великаго борца за правду въ стольный градъ Москву. Онѣ положены были въ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ и почивали въ богатой серебрянной ракѣ, творя безчисленныя чудеса.

М. В.

Училище благочестія

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

Совѣсть.

Совѣсть — чувство духа человѣческаго, тонкое, свѣтлое, различающее добро отъ зла.

Это чувство яснѣе различаетъ добро отъ зла, нежели умъ.

Труднѣе обольстить совѣсть, нежели умъ.

И съ обольщеннымъ умомъ, подкрѣпляемымъ грѣхолюбивою волею, долго борется совѣсть.

Совѣсть — естественный законъ *).

Совѣсть руководствовала человѣка до Закона письменнаго. Падшее человѣчество постепенно усвоивало себѣ неправильный образъ мыслей о Богѣ, о добрѣ и злѣ: лжеименный разумъ сообщилъ свою неправильность совѣсти. Письменный Законъ содѣлался необходимостію для руководства къ истинному Богопознанію и къ Богоугодной дѣятельности.

Ученіе Христово, запечатлѣнное святымъ крещеніемъ, исцѣляетъ совѣсть отъ лукавства, которымъ заразилъ ее грѣхъ (Евр. X, 22). Возвращенное намъ, правильное дѣйствіе совѣсти, поддерживается, возвышается послѣдованіемъ ученію Христову.

Здоровое состояніе и правильное дѣйствіе совѣсти возможно только въ нѣдрѣ Православной Церкви, потому что всякая принятая неправильная мысль имѣетъ вліяніе на совѣсть: уклоняетъ ее отъ правильнаго дѣйствія.

Потемняютъ, притупляютъ, заглушаютъ, усыпляютъ совѣсть — произвольныя согрѣшенія.

Всякій грѣхъ, не очищенный покаяніемъ, оставляетъ вредное впечатлѣніе на совѣсти.

Постоянная и произвольная грѣховная жизнь какъ бы умерщвляетъ ее.

Умертвить совѣсть — невозможно. Она будетъ сопровождать человѣка до страшнаго суда Христова: тамъ обличитъ ослушника своего.

По изъясненію святыхъ Отцовъ, **соперникъ** человѣка, упоминаемый въ Евангеліи, — совѣсть (Матѳ. V, 25).

Точно: она соперникъ! потому что сопротивляется всякому противозаконному начинанію нашему.

---

*) Преп. авва Дороѳей, Поученіе 3, о совѣсти.

Сохраняй миръ съ этимъ соперникомъ на пути твоемъ къ небу, во время земной жизни, чтобъ онъ не сдѣлался твоимъ навѣтникомъ въ то время, какъ будетъ рѣшаться вѣчная твоя участь.

Говоритъ Писаніе: **Избавитъ отъ злыхъ душу свидѣтель вѣренъ** (Притч. XIV, 25). Свидѣтель вѣрный — непорочная совѣсть: она избавитъ душу, внимающую совѣтамъ ея, отъ согрѣшеній до наступленія смерти и отъ вѣчныхъ мукъ по смерти.

Какъ лезвіе ножа натачивается камнемъ, такъ совѣсть натачивается Христомъ: она просвѣщается изученіемъ и изощряется исполненіемъ евангельскихъ заповѣдей.

Просвѣщенная и изощренная Евангеліемъ совѣсть подробно и ясно показываетъ человѣку его согрѣшенія — и самыя малѣйшія.

Не дѣлай насилія сопернику — совѣсти! Иначе лишишься духовной свободы: грѣхъ плѣнитъ тебя, и свяжетъ. Сѣтуетъ Пророкъ отъ лица Божія о попирающихъ совѣсть, навѣтующихъ самимъ себѣ: **Соодолѣ Ефремъ соперника своего, попра судъ, яко нача ходити вслѣдъ суетныхъ** (Осіи V, 11).

Остріе совѣсти очень нѣжно; его надо хранить и хранить. Хранится оно, когда человѣкъ исполняетъ всѣ требованія совѣсти, а нарушеніе какого либо требованія, по немощи или увлеченію, омываетъ слезами покаянія.

Не думай ни о какомъ грѣхѣ, что онъ маловаженъ: всякій грѣхъ есть нарушеніе Закона Божія, противодѣйствіе волѣ Божіей, попраніе совѣсти.

Отъ бездѣлицы, отъ ничтожныхъ, повидимому, согрѣшеній переходимъ постепенно къ великимъ грѣхопаденіями.

Что значитъ это? — великъ ли это грѣхъ? — что это за грѣхъ? — это не грѣхъ! — такъ разсуждаетъ небрегущій о спасеніи своемъ, когда онъ рѣшается вкусить запрещенной Закономъ Божіимъ грѣховной снѣди. Основываясь на такомъ неосновательнѣйшемъ сужденіи, онъ непрестанно попираетъ совѣсть.

Остріе ея притупляется, свѣтъ ея тускнѣетъ; въ душѣ разливаются мракъ и хладъ небреженія и нечувствія.

Нечувствіе содѣлывается, наконецъ, обыкновеннымъ состояніемъ души. Часто бываетъ она удовлетворенною имъ; часто признаетъ его состояніемъ угоднымъ Богу, спокойствіемъ совѣсти, а оно — утрата ощущенія своей грѣховности, утрата ощущенія благодатной, духовной жизни, усыпленіе и слѣпота совѣсти (Лѣствица, Сл. 18).

При такомъ состояніи, при страшномъ омраченіи и нечувствіи, различные грѣхи свободно входятъ въ душу, устраиваютъ въ ней логовище для себя. Грѣхи, закоснѣвая въ душѣ, обращаются въ навыки, столько же сильные, какъ природа, а иногда болѣе сильные, нежели природа. Грѣховные навыки называются страстями. Человѣкъ не замѣчаетъ того, — а онъ непримѣтнымъ образомъ окованъ отовсюду грѣхомъ, въ плѣну у него, въ рабствѣ.

Кто, пренебрегая постоянно напоминаніями совѣсти, допустилъ себѣ впасть въ рабство грѣха: тотъ только съ величайшимъ трудомъ, при содѣйствіи особенной помощи Божіей, возможетъ расторгнуть цѣпи этого рабства, побѣдить страсти, обратившіяся какъ-бы въ природныя свойства.

Возлюбленнѣйшій братъ! со всевозможнымъ вниманіемъ и тщаніемъ храни совѣсть.

Храни совѣсть по отношенію къ Богу: исполняй всѣ повелѣнія Божіи, какъ видимыя всѣмъ, такъ и никому невидимыя, видимыя и вѣдомыя только одному Богу и твоей совѣсти.

Храни совѣсть по отношенію къ ближнему: не довольствуйся одною благовидностію твоего поведенія къ ближнимъ! ищи отъ себя, чтобъ самая совѣсть твоя удовлетворялась этимъ поведеніемъ. Она будетъ тогда удовлетворяться, когда не только дѣла, но и сердце твое будутъ поставлены въ отношеніе къ ближнему, заповѣданное Евангеліемъ.

Храни совѣсть къ вещамъ, удаляясь излишества, роскоши, небреженія, помня, что всѣ вещи, которыми ты пользуешься — творенія Божіи, дары Божія человѣку.

Храни совѣсть къ самому себѣ. Не забывай, что ты — образъ и подобіе Бога, что ты обязанъ представить этотъ образъ, въ чистотѣ и святости, Самому Богу.

Горе, горе! если Господь не узнаетъ Своего образа, не найдетъ въ немъ никакого сходства съ Собою. Онъ произнесетъ грозный приговоръ: **Не вѣмъ васъ** (Матѳ. XXV, 12). Непотребный образъ будетъ ввергнутъ въ неугасающій пламень геенны.

Безконечная радость обыметъ ту душу, на которую воззрѣвъ Господь, признаетъ въ ней сходство съ Собою, увидитъ въ ней ту красоту, которую Онъ, по безконечной благости Своей, усвоилъ ей при сотвореніи, возставилъ и умножилъ при искупленіи, которую повелѣлъ соблюдать въ непорочной цѣлости удаленіемъ отъ всякаго грѣха, храненіемъ всѣхъ евангельскихъ заповѣдей.

Неумолкающій, нелицепріятный блюститель и напоминатель такого удаленія и храненія — совѣсть. Аминь.

О разсѣянной и внимательной жизни.

Сыны міра признаютъ разсѣянность невинною, а святые Отцы признаютъ ее началомъ всѣхъ золъ *).

Человѣкъ, преданный разсѣянности, имѣетъ о всѣхъ предме-

*) Алфавитный Патерикъ и Достопамятныя сказанія, о Пименѣ Великомъ, глава 43.

тахъ, и самыхъ важныхъ, очень легкое, самое поверхностное понятіе.

Разсѣянный обыкновенно непостояненъ: его сердечныя ощущенія лишены глубины и силы, а потому они непрочны и маловременны.

Какъ мотылекъ порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ: такъ и разсѣянный человѣкъ переходитъ отъ одного земного удовольствія къ другому, отъ одного суетнаго попеченія къ другому.

Разсѣянный чуждъ любви къ ближнему: равнодушно смотритъ онъ на бѣдствіе человѣковъ, и легко возлагаетъ на нихъ бремена неудобоносимыя.

Скорби сильно дѣйствуютъ на разсѣяннаго, именно потому, что онъ не ожидаетъ ихъ. Онъ ожидаетъ однѣхъ радостей.

Если скорбь сильна, но скоропреходяща: то разсѣянный скоро забываетъ ее въ шумѣ развлеченій. Долговременная скорбь сокрушаетъ его.

Разсѣянность сама караетъ преданнаго ей: временемъ все прискучиваетъ ему, — и онъ, какъ нестяжавшій никакихъ основательныхъ познаній и впечатлѣній, предается томительному, безконечному унынію.

Разсѣянность, столько вредна вообще, въ особенности вредна въ дѣлѣ Божіемъ, въ дѣлѣ спасенія, требующемъ бдительности и вниманія постоянныхъ, напряженныхъ.

Бдите и молитеся, да не внидите въ напасть (Матѳ. XXVI, 41), говоритъ Спаситель ученикамъ Своимъ.

Всѣмъ глаголю: бдите (Марк. XIII, 37), возвѣстилъ Онъ всему христіанству: слѣдовательно и современному намъ.

Ведущій жизнь разсѣянную, прямо противорѣчитъ заповѣданію Господа Іисуса Христа жизнію своею.

Всѣ святые тщательно избѣгали разсѣянности. Непрестанно, или, по крайней мѣрѣ, по возможности часто они сосредоточивались въ себѣ, внимая движеніямъ ума и сердца, и направляя ихъ по завѣщанію Евангелія.

Навыкъ внимать себѣ предохраняетъ отъ разсѣянности и среди окружающаго со всѣхъ сторонъ, шумящаго развлеченія. Внимательный пребываетъ въ уединеніи, самъ съ собою, посреди многолюдства.

Извѣдавъ опытомъ пользу вниманія и вредъ разсѣянности, нѣкоторый великій Отецъ сказалъ: «Безъ усиленной бдительности надъ собою невозможно успѣть ни въ одной добродѣтели» *).

Безразсудно — провесть краткую земную жизнь, данную намъ для приготовленія къ вѣчности, въ однихъ земныхъ занятіяхъ, въ удовлетвореніи мелочнымъ, безчисленнымъ, неудовлетворимымъ при-

*) Алфавитный Патерикъ и Достопамятныя сказанія, о аввѣ Агаѳонѣ гл. 39.

хотямъ и пожеланіямъ, вѣтренно перебѣгая отъ одного чувственнаго удовольствія къ другому, забывая или воспоминая рѣдко и поверхностно о неминуемой, величественной, и вмѣстѣ грозной, вѣчности.

Дѣла Божіи — это очевидно — должны быть изучаемы и разсматриваемы съ величайшимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ; иначе ни разсмотрѣть, ни познать ихъ человѣкъ не можетъ.

Великое дѣло Божіе — сотвореніе человѣка, и потомъ, по паденіи его, обновленіе искупленіемъ — должно быть подробно извѣстнымъ каждому христіанину; безъ этого познанія онъ не можетъ знать и исполнять обязанностей христіанина. Познаніе великаго дѣла Божія не можетъ быть пріобрѣтено при разсѣянности!

Заповѣди Христовы даны не только внѣшнему человѣку, но, наиболѣе, внутреннему: онѣ объемлютъ всѣ помышленія и чувствованія человѣка, всѣ тончайшія движенія его. Соблюдать эти заповѣди невозможно безъ постоянной бдительности и глубокаго вниманія. Бдительность и вниманіе невозможны при жизни разсѣянной.

Грѣхъ и орудующій грѣхомъ діаволъ тонко вкрадываются въ умъ и сердце. Человѣкъ долженъ быть непрестанно на стражѣ противъ невидимыхъ враговъ своихъ. Какъ онъ будетъ на этой стражѣ, когда онъ преданъ разсѣянности?

Разсѣянный подобенъ дому безъ дверей и затворовъ: никакое сокровище не можетъ быть сохранено въ такомъ домѣ; онъ отверстъ для татей, разбойниковъ и блудницъ.

Разсѣянная жизнь, наполненная житейскими попеченіями, доставляетъ человѣку дебелость, наравнѣ съ многояденіемъ и многопитаніемъ (Лук. XXI,34). Такой человѣкъ прилѣпленъ къ землѣ, занятъ однимъ временнымъ и суетнымъ; служеніе Богу дѣлается для разсѣяннаго предметомъ постороннимъ; самая мысль объ этомъ служеніи для него дика, полна мрака, невыносимо тягостна.

Внимательная жизнь ослабляетъ дѣйствіе на человѣка тѣлесныхъ чувствъ, — изощряетъ, укрѣпляетъ, образуетъ дѣйствіе чувствъ душевныхъ. Разсѣянность, напротивъ того, усыпляетъ дѣйствіе душевныхъ чувствъ: она питается непрерывнымъ дѣйствіемъ чувствъ тѣлесныхъ.

Тщетно разсѣянные приписываютъ невинность жизни разсѣянной! Этимъ они обличаютъ злокачественность недуга, ихъ объемлющаго. Ихъ недугъ такъ великъ, такъ притупляетъ чувства души, что душа, болѣзнующая имъ, даже не ощущаетъ своего бѣдственнаго состоянія.

Желающіе научиться вниманію, должны воспретить себѣ всѣ пустыя занятія.

Исполненіе обязанностей частныхъ и общественныхъ не входитъ въ составъ разсѣянности: разсѣянность всегда соединена съ

праздностью, или съ такими пустыми занятіями, которыя безошибочно могутъ быть причислены къ праздности.

Занятіе полезное, въ особенности занятіе служебное, сопряженное съ отвѣтственностію, не препятствуютъ къ сохраненію вниманія къ себѣ, — оно руководствуетъ къ такому вниманію. Тѣмъ болѣе руководствуютъ ко вниманію монастырскія послушанія, когда онѣ исполняются должнымъ образомъ. Дѣятельность — необходимый путь къ бдительности надъ собою, и этотъ путь предписывается святыми Отцами для всѣхъ, которые хотятъ научиться вниманію себѣ.

Вниманіе къ себѣ въ глубокомъ уединеніи приноситъ драгоцѣнные духовные плоды; но къ нему способны только мужи зрѣлаго духовнаго возраста, преуспѣвшіе въ подвигѣ благочестія, сперва научившіеся вниманію къ дѣятельной жизни.

При дѣятельной жизни люди помогаютъ человѣку стяжать вниманіе, напоминая ему нарушенія вниманія. Подчиненность есть лучшее средство пріучиться ко вниманію: никто столько не научитъ человѣка внимать себѣ, какъ его строгій и благоразумный начальникъ.

При служебныхъ твоихъ занятіяхъ, посреди людей, не позволяй себѣ убивать время въ пустословіи и глупыхъ шуткахъ; при кабинетныхъ занятіяхъ, воспрети себѣ мечтательность: скоро изострится твоя совѣсть, начнетъ указывать тебѣ на всякое уклоненіе въ разсѣянность, какъ на нарушеніе евангельскаго Закона, даже какъ на нарушеніе благоразумія. Аминь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Преп. авва Дороѳей, Поученіе 3, о совѣсти.

Два дня въ Кронштадтѣ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СТУДЕНТА.

В. М.

Заглавіе не обнимаетъ всего содержанія книги, но имѣетъ достаточное оправданіе. Только начало книги посвящено обстоятельному изложенію посѣщенія Кронштадта, съ цѣлью знакомства съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, группы молодежи, начинающей пастырскую жизнь, и въ ея составѣ и нашего Первоіерарха Митрополита Анастасія, котораго можно увидѣть на фотографіи, изображающей эту группу (9 человѣкъ) вмѣстѣ съ о. Іоанномъ. Мы знакомимся непосредственно съ батюшкой, какъ бы переживая общеніе съ нимъ этой молодежи, съ особенной любовью принятой и обласканной о. Іоанномъ — и тутъ же, по началу совершенно незамѣтно, начинаетъ разворачиваться широкій планъ книги, передающей не только все, личнымъ опытомъ пишущихъ (книга подписана однимъ именемъ, но участіе въ ея составленіи принимали и другіе участники поѣздки, въ томъ числѣ и Владыка Анастасій) обрѣтенное, но и воспринятое изъ разсказовъ и изъ обширной литературы, уже посвященной о. Іоанну.

Книга перепечатана фотографическимъ способомъ. Изданіе Благотворительнаго Фонда имени отца Іоанна Кронштадтскаго въ гор. Ютикѣ, Н. І. 464 стр. Цѣна $ 3.50. Въ красивомъ переплетѣ съ тисненіемъ цѣна — $ 4.50. Можно выписывать со склада Св. Троицкаго монастыря.

«Родина»

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. Книга посвящается русскимъ дѣтямъ. Перепечатано фотографическимъ способомъ съ двадцатаго изданія. Въ книгѣ 416 стр. и много иллюстрацій.

Въ переплетѣ $ 6.00 + пересылка 30 ¢.

«Земля именинница»

В. НИКИФОРОВА - ВОЛГИНА.

Перепечатано фотографическимъ способомъ въ Свято - Троицкомъ монастырѣ.

Въ книгѣ 184 стр. Цѣна $ 1.50.